

DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-433-448

Г.И. Саркисова

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ В РУССКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В НАЧАЛЕ 60-Х ГОДОВ XVIII в. И ПЛАНАХ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ИХ УРЕГУЛИРОВАНИЮ

Аннотация. Статья посвящена деятельности Собрания, учрежденного 12 августа 1764 г. по указу императрицы Екатерины II «для слушания дел, касающихся до нынешних с китайскою стороною обращений». Поскольку возникшую в конце 50-х—начале 60-х годов XVIII в. напряженность в отношениях России с Китаем не удалось преодолеть дипломатическим путем (миссии курьеров В.Ф. Братищева (1757) и И.И. Кропотова (1763) в Пекин), возникла необходимость обеспечения безопасности сибирской пограничной зоны.

Сохранившийся в Архиве внешней политики Российской империи протокол заседания Собрания, призванного представить императрице план по организации обороноспособности российских границ, дает четкие представления о работе его членов, принявших во внимание русско-китайские договорно-правовые акты и опыт государственных деятелей.

Намеченные Собранием меры по укреплению Сибирского края касались как вопросов административного (о необходимости деле-

ния Сибири на две губернии) и социально-экономического характера (о необходимости переселения жителей из отдаленных северных областей в южные), так и военно-организационного (увеличение воинского контингента, усиление его командного состава, направление полевой артиллерии) и оборонительного (построение укреплений вокруг ряда городов и слобод).

Кроме того, участники совещания обсудили ряд мер по улучшению кяхтинского торгового дела для русской стороны. Они состояли в учреждении для российских купцов особой вольной компании для защиты интересов ее членов, уменьшении зависимости русских купцов от китайских, исключении несогласия и вражды в отношениях российских купцов и исключении поводов для жалоб со стороны китайских купцов на отягощение их торгового дела тарифом 1761 г.

Формулировки протокола в отношении китайской стороны имеют миролюбивый характер и выражают надежду на мирное разрешение проблем.

Представленный на апробацию императрицы план по упрочению российских сибирских пограничных территорий и налаживанию кяхтинской торговли был признан ею «на первый случай во всем достаточным» и подтвержден 19 октября 1764 г.

Ключевые слова: Собрание 1764 г., Екатерина II, Сибирь, укрепление Сибирского края, кяхтинская торговля.

Автор: Саркисова Галина Ивановна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН. E-mail: sarkisova1954@mail.ru

G.I. Sarkisova

On the problems in Russian-Chinese relations in the early 60s of the XVIII century and plans of the Russian government to resolve them

Abstract. The article is devoted to the activities of the Assembly, established on August 12, 1764, by the order of Empress Catherine II “to hear cases relating to the current appeals from the Chinese side”. Since tensions in relations between Russia and China, emerged in the late 50s and early 60s of the 18th century could not be overcome diplomatically (the missions of couriers V.F. Bratishchev (1757) and I.I. Kropotov (1763) to Beijing), it became necessary to ensure the security of the Siberian border zone.

The meeting of the Assembly was called upon to present to the Empress a plan for organizing the defense capability of the Russian borders.

The minutes of this meeting, preserved in the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire, gives a clear idea of the work of its members, who took into account the Russian-Chinese legal acts and the experience of statesmen.

The measures outlined by the Assembly to strengthen the Siberian Territory concerned both administrative issues (on the need to divide Siberia into two provinces) and socio-economic (on the need to relocate residents from remote northern regions to southern ones). The measures also concerned military organization (increasing the military contingent, strengthening its command staff, the direction of field artillery) as well as defense (the construction of fortifications around a number of cities and settlements).

In addition, the meeting participants discussed a number of measures to improve the Kyakhta trade for the Russian side. They included the establishment of a special free company for Russian merchants to protect their interest and to reduce their dependence on Chinese merchants; to get rid of disagreement and enmity in the relations of Russian merchants and to ensure that Chinese merchants did not complain about the burdening effect of the tariff of 1761 on the trade.

The wording of the minutes of the meeting with respect to the Chinese side is friendly and expresses the hope for a peaceful resolution of the problems.

The plan for strengthening the Russian Siberian border territories and the establishment of the Kyakhta trade, presented for the empress's approval, was recognized by her as a "sufficient starting point" and was endorsed on October 19, 1764.

Keywords: Assembly, minutes of the meeting, Catherine II, Siberia, strengthening, borders, Kyakhta trade.

Author: Galina I. SARKISOVA, Ph.D. (History), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: sarkisova1954@mail.ru

Конец 50-х — начало 60-х годов XVIII в. в истории русско-китайских отношений ознаменовалось событиями, на несколько лет определившими внешнеполитические позиции двух государств. Напряженность в межгосударственных контактах России с Китаем

возникла из-за предоставления российской стороной убежища ойратскому нойону¹ Амурсане (1722—1757), возглавлявшему антиманьчжурское восстание в Джунгарии² в 1755—1757 гг. Это обстоятельство в значительной степени повлияло на ход переговоров курьера В.Ф. Братищева с китайской стороной в сентябре 1757 г., поскольку полученный Лифаньюанем³ еще до приезда русского курьера в Пекин лист из Правительствующего сената о принятии зенгорских⁴ беженцев в подданство России [Международные отношения..., с. 58—65] привел китайского императора в негодование. В результате России не удалось дипломатическим путем получить согласие китайской стороны на свободное плавание российских судов по реке Амур.

Еще один повод для разногласий двух государств заключался в установке российской стороной деревянных надолбов на участке границы в районе Кяхты⁵ с целью пресечения контрабандной торговли. Цинские власти требовали уничтожения надолбов, расположенных на китайской территории, а также с целью снижения для китайских купцов цен на российские товары — отмены на них пошлин. В результате в 1762 г. китайцы в одностороннем порядке на 6 лет приостановили торг на Кяхте.

Императрица Екатерина II, вступившая на российский престол в 1762 г., намеревалась урегулировать конфликты с Цинской империей путем взаимного обмена посольствами. Она планировала направить в Пекин «знатное посольство» во главе с графом И.Г. Чернышевым (1717 (1726) —1797). С целью оповещения об этом замысле, а также о вступлении Екатерины II на престол [РКО в XVIII в.,

¹ Старинный монгольский титул.

² Джунгарское ханство (Зенгорское владение) — ойрат-монгольское государство на территории Центральной Азии в XVII—XVIII вв.

³ Лифаньюань (*кит.*) — центральное учреждение Цинской империи, ведавшее управлением Монголией, Тибетом, а также отношениями с Россией [Русско-китайские отношения (РКО) в XVIII в. Т. 6. С. 401].

⁴ Зенгорцы (зюнгарцы, джунгары) — в русских источниках этноним, заимствованный из монгольских языков и применяемый в отношении населения (ойратов) Джунгарского ханства. Лист из Правительствующего сената был получен 20 мая 1757 г.

⁵ Торговая слобода на реке Кяхте.

с. 260] в китайскую столицу был послан курьером капитан-поручик И.И. Кропотов. Однако к его приезду в Пекин мало что изменилось в отношении Цинской империи к России. Китайская сторона, благосклонно воспринявшая сообщение о предполагаемом русском посольстве, о своем ответила довольно уклончиво: «что до взаимного их посольства в Россию принадлежит, то полагается на счастье будущего здешняго посла. Ежели он столь же щастлив будет получить богдыханову милость, какую получил и он, Кропотов, то можно и о взаимном посольстве надеяться» [РКО в XVIII в., с. 327].

Поскольку дипломатические шаги не дали ожидаемых результатов в решении проблем русско-китайских отношений в начале 60-х годов XVIII в., российскому правительству пришлось изыскивать другие способы преодоления конфликтов.

Для первых лет правления Екатерины II было характерным учреждение специальных Комиссий о коммерции, о церковных имуществвах, о воинских уставах и др. Их члены назначались лично императрицей и непосредственно ей подавали свои доклады и проекты [Голикова Н.Б., Кислягина Л.Г., с. 95]. Со столь же четко определенной направленностью деятельности: «для слушания дел, касающихся до нынешних с китайскою стороною обращений», императрица Екатерина II указом от 12 августа 1764 г. повелела своим уполномоченным, «собрав все о том потребныя сведения», организовать конференции и представить ей свои соображения по обеспечению безопасности российских границ. Уже 16 августа 1764 г. состоялось первое, а 19 августа — «вторичное» Собрание [АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем, л. 35, 75].

Протокол этого Собрания заверен подписями присутствовавших на нем членов, за исключением отсутствовавшего из-за болезни действительного тайного советника Неплюева¹. Это Н.И. Панин (1718—1783) — граф, русский государственный деятель, наставник великого князя Павла Петровича; граф З.Г. Чернышев (1722—

¹ Неплюев И.И. (1693—1773) — государственный деятель, в 1744—1758 гг. — первый губернатор Оренбургского края, много сделавший для его хозяйственного освоения, укрепления внешних границ. В середине 1764 г. по состоянию здоровья вышел в отставку.

1784) — президент Военной коллегии; А.Н. Вильбоа (1716—1781) — генерал-фельдцейхмейстер русской армии, то есть глава артиллерийского ведомства, член Военной коллегии; граф Э. Миних — действительный тайный советник, член Таможенной комиссии; князь А.М. Голицын (1723—1807) — вице-канцлер и вице-президент Коллегии иностранных дел в 1762—1775 гг.; Г. Веймарн (1718/22—1792) — генерал-поручик, по распоряжению императрицы Екатерины II обследовавший Колывано-Воскресенские заводы и оценивший их состояние; граф А.В. Олсуфьев (1721—1784) — статс-секретарь императрицы.

Работа столь представительного по своему составу Собрания началась с ознакомления с русско-китайскими договорно-правовыми актами, такими, как Буринский трактат об определении государственной границы между Россией и Китаем в районе Халха-Монголии (20 августа 1727 г.) [Русско-китайские..., Док. № 2, с. 30—32]; Разменное письмо о демаркации согласно Буринскому договору русско-китайской границы на восток от Кяхты до верховьев реки Аргунь (12 октября 1727 г.) [Русско-китайские..., Док. № 3, с. 32—36]; Кяхтинский договор о политических и экономических взаимоотношениях между Россией и Китаем (21 октября 1727 г.) [Русско-китайские..., Док. № 5, с. 41—47]; Разменное письмо о демаркации согласно Буринскому договору русско-китайской границы на запад от Кяхты до урочища Шабин Дабага в Западных Саянах (27 октября 1727 г.) [Русско-китайские..., Док. № 6, с. 48—49]; Разменное письмо об избрании на реке Аргунь мест для строительства русской и китайской торговых слобод (17 мая 1728 г.) [Русско-китайские..., Док. № 8, с. 52].

Собрание также ознакомилось с инструкцией, данной императрицей Екатериной II 19 сентября 1763 г. отправленному на Сибирские линии¹ генерал-поручику И.И. Шпрингеру (?—1771), согласно которой надлежало «при устье реки Бахтурмы, в реку Иртыш ниже Усть-Каменогорской крепости в 86 верстах впадающей, завести крепость и тем воспретить ход из Зайсанга озера по реке Иртышу судам

¹ Российские укрепленные линии на юге Западной Сибири, построенные в разные годы для защиты южных границ от набегов кочевников.

неприятельским» [Международные отношения..., с. 169]. Данное наставление было признано Собранием на тот момент «весьма достаточным» «для предосторожности тамошняго края от каких-либо с китайской стороны предприемлемых иногда неприятельских намерений» [АВПРИ, л. 76]. Кроме того, сопоставив рапорты генерал-поручика И.И. Шпрингера, основанные по большей части на разных слухах, о многочисленном китайском войске на границе с рапортами из других мест, участники заседания пришли к заключению, что «ничего такова разсудительно определить невозможно, чтоб могло представить настоящую важную опасность» [АВПРИ, л. 76 об.]. Тем не менее, Собрание сочло необходимым провести тщательное исследование ситуации в Сибирском крае и наметить меры «для приведения в лутшее состояние той отдаленной области» [АВПРИ, л. 76 об.].

Особо отметив такую характерную черту Сибирской губернии¹, как ее протяженность, члены заседания сделали вывод о необходимости ее разделения на две губернии и учреждения губернаторов в двух местах: в Тобольске и Иркутске². В результате такого преобразования предполагалось устранить задержки в своевременной отправке сибирским губернатором резолюций на получаемые им из отдаленных городов рапорты, что положительно отразилось бы на управлении краем. Улучшению же качества жизни местного населения, повышению эффективности использования им природных ресурсов и укреплению пограничной зоны могла способствовать, с точки зрения участников совещания, локализация жителей из дальних северных областей в селениях, «к полуденной стороне³ на землях для поселенскаго житья удобнейших» [АВПРИ, л. 77 об.]. С этой целью губернаторам и градоначальникам предписывалось «всякими выгодными и ласковыми способами» привлекать в эти места людей, «сводя их ближе между собою», поскольку «в сем об-

¹ Сибирская губерния (территории Сибири и Приуралья) образована 18 (29) декабря 1708 г. Петром I. Губернский город — Тобольск.

² Иркутская губерния была образована по указу императрицы Екатерины II 19 (30) октября 1764 г. При основании делилась на уезды: Иркутский, Нерчинский, Селенгинский, Илимский.

³ Выражение соответствует южному направлению.

ширном и весьма малолюдном царстве знатная часть народа без всякого попечения остается разсыпанною в отдаленных северных пределах, провождая жизнь почти скотскую и, наконец, погибая со всем» [АВПРИ, л. 77 об.]. Кроме того, Собрание указало на необходимость замены существовавших правил звериной ловли в том крае, основанных на указе о ежегодном запрещении охоты в стране с 1 марта по 29 июня [ПСЗ, № 11876]. Изданный 10 июля 1763 г. указ «не соответствовал естественным особенностям отдельных регионов и не учитывал экономических и бытовых особенностей населявших Россию народов» [Старцев, с. 152]. По приведенным А.В. Старцевым сведениям из сообщений сибирских губернаторов, «местные народы «не имеют другого пропитания, как только весенним временем налетевших в бесчисленном множестве всяких птиц и по заливному островам зверей бить и тем на год питание себе заготовлять»» [Старцев, с. 152].

Далее для приведения Сибирского края «в безопасное и оборонительное состояние» Собрание наметило ряд мер, связанных с размещением на его территории воинских частей. К уже находившимся в Сибири девяти полкам, согласно протоколу, должны были присоединиться еще два драгунских полка, нахождение которых изначально предполагалось в Казани. Азовскому драгунскому полку предписывалась дислокация в крепости Святого Петра и Павла¹, Ревельскому — в Томске [АВПРИ, л. 81]. Кроме того, одновременно с формированием Селенгинского пехотного полка планировалось ускорить комплектование Томского пехотного полка.

Отправкой в Сибирь полевой артиллерии Собрание рассчитывало решить вопрос с ее нехваткой в крае. Исходя из протокола, одной части полевой артиллерии «с ея лошадьми, припасы и служителями» полагалось расквартироваться в Омске, а другой — в Селенгинске. На отправку обеих частей артиллерии выделялось 10 000 рублей. Из остатка этой суммы предписывалось в каждом назначенном для дислокации месте для содержания артиллерии «под прикрытием» сделать сарай и обнести рвом [АВПРИ, л. 81 об.].

¹ Сторозежное укрепление Тоболо-Ишимской линии.

Помимо укрепления Сибири воинскими частями, Собрание постановило усилить и их командный состав, прикомандировав к имевшемуся генералитету еще одного генерал-майора. Подходящей кандидатурой для этого был признан генерал-майор В.В. Якоби, который с 1740 г. был комендантом Селенгинска. В соответствии с протоколом, генералитету предписывалось размещение в пяти населенных пунктах Сибири: «генерал-порутчику в Омске или где обстоятельства потребуют, одному генерал-майору в Петропавловской, другому в Усть-Каменогорске, третьему в Биской¹ крепости, четвертому в Селенгинске» [АВПРИ, л. 81 об.].

Военной коллегии Собрание рекомендовало дать наставление командующему генералитету о необходимости содержать полки «готовыми к учинению надлежащего отпора». А для этого генералитету приказывалось неукоснительно выполнять требование о размещении как полков, так и полевой артиллерии скученно, «а не в развончечке по форпостам» [АВПРИ, л. 82].

Собрание определило и конкретные организационные меры по налаживанию на местах воинской службы. Селенгинск предлагалось обнести земляным рвом и сделать небольшое земляное укрепление в месте расположения полевой артиллерии, гарнизон дополнить еще двумя батальонами: один сформировать вновь, а другой перевести из Иркутска. Также Собрание постановило из Селенгинского гарнизона для содержания караулов «посылать на Кяхту или Кударинскую слободу, в Канской и Удинский острог по одной роте. И в сих трех местах назначенным комендантам быть у селенгинского в команде, а сему у иркутского, которому и всех протчих, назначенных в Иркутской губернии, в своем департаменте иметь и уже не быть в команде у тобольского. И иркутскому коменданту быть обер-коменданту² полковничьяго содержания из воинской суммы и в штате» [АВПРИ, л. 82—82 об.].

Из протокола видно, что члены Собрания при принятии решений учитывали опыт исследователя Сибири и ее бывшего губернато-

¹ Бийская крепость

² Обер-комендант — обер (*нем.*) — приставка к названиям должностных лиц, по значению своему соответствующая русскому слову «главный».

ра (1757—1763), гидрографа и картографа, сенатора (1763—1766) Ф.И. Соймонова (1682 (по другим сведениям, 1692)—1780). Так, разделяя его мнение относительно преимуществ географического положения Кударинской слободы близ Кяхтинского форпоста на реке Чикой, участники заседания пришли к заключению о необходимости «ту слободу до времени обнести рвом и полисадами, а по углам сделать редуты земляные ж со рвом и поставить на них пушки, что тамошними жителями и салдатами сделано быть может в одно лето» [АВПРИ, л. 82 об.—83]. Назначенному в Кяхту коменданту рекомендовалось переехать в эту вновь учрежденную крепость, на постройку в которой комендантского дома, будок, гауптвахты, рогаток выделялось 3000 рублей. Члены Собрания также предложили ряд мер по привлечению жителей слободы к защите крепости в случае нападения на нее. Командирам вменялось в обязанность переписать тех, кто мог «употребленными быть под ружьем», и назначить каждому место, которое он должен был защищать. В связи с этим в крепость намечалось переслать до 1000 ружей из местных арсеналов и оповестить жителей о необходимости иметь собственное ружье и сумку для патронов, «а дабы они к сему приучены были, поежегодно по одна сводить их на те места, где кому назначено, и чтоб каждой стрелять умел приучать» [АВПРИ, л. 83].

Идея Ф.И. Соймонова о создании еще одного укрепления «близ Онана-реки и деревни Акшинской» из-за наличия здесь удобных мест для прохода неприятеля внутрь границы была также поддержана Собранием, поскольку случаи вторжения противника с той стороны на российскую территорию уже были прежде: в 1756 г. «воровская партия, въехав вовнутрь границы, немалое разорение причинила» [АВПРИ, л. 83—83 об.]. В связи с этими обстоятельствами в указанном Ф.И. Соймоновым месте (627 верст от Кяхты), вместо постройки крепости, было предложено обнести рвом и палисадником жилище, сделать земляные редуты и поставить на них пушки, назначить туда коменданта и отправить две роты из Селенгинского гарнизона. На строительство в этом месте комендантского дома, палисада, гауптвахты, рогаток выделялось 3000 рублей [АВПРИ, л. 83 об.].

Члены Собрании вслед за Ф.И. Соймоновым не сочли необходимым создавать укрепления вокруг Нерчинска, имевшего естественную защиту в виде гор. На случай вражеского нападения предлагалось в горах «зделать редуты и в них поставить по две пушки, что всегда к непропущению неприятеля между гор довольною обороною быть может» [АВПРИ. л. 83 об.-84.].

На основании пограничных карт участники заседания пришли к заключению о том, что от реки Аргунь до Кяхты «все границы по большей части окружены горами, которая уже такое укрепление делают, что большим числом войск с тягостями никакой способности войти нет» [АВПРИ, л. 84]. Вследствие этого командирам предписывалось укрепить проходы форпостами и для их безопасности построить небольшие остроги по примеру уже имевшихся на Иртышской и Сибирской линиях. Количество же полков в резерве должно было соответствовать требованию об их скученности и маневренности. Кроме того, рекомендовалось сформировать из «легких войск» партии как для патрулирования и обеспечения безопасности от «воровских набегов», так и быстрого оповещения о вторжении неприятеля и защиты острогов [АВПРИ, л. 84].

Предметом обсуждения членами Собрании стала и финансовая сторона намеченных мероприятий по укреплению обороноспособности Сибирского края. Было заявлено, что для содержания жалованьем, провиантом и прочим одного карабинерного, двух пехотных полков и одного пограничного батальона, а также одного обер-коменданта и двух комендантов ежегодно потребуется 167 909 рублей 51 копейка. В связи с этим предлагалось с будущего года подушный оклад вновь прибывших причислять к военной сумме, «из которой сии, как и прочия войска, содержаны будут» [АВПРИ, л. 84 об.]. А вот с денежным обеспечением на учреждение трех полков возникли проблемы, связанные с тем, что определенная именованным указом Колывано-Воскресенским заводам для этого сумма в 250 000 рублей не могла быть ими выплачена полностью из-за затруднений, обусловленных чеканкой из колыванской меди с 5 декабря 1763 г. медной монеты исключительно для обращения в Сибири. Завод был в состоянии отпустить только 80 000 рублей. За советом для изыскания каких-либо других государственных источников финансирова-

ния, способных увеличить выделенную заводом сумму хотя бы еще на 100 000 рублей, Собрание решило обратиться к генерал-квартирмейстеру¹ князю А.А. Вяземскому как исполнявшему должность генерал-прокурора². Полученные деньги предполагалось потратить следующим образом: «на отправление артиллерии 10 000 рублей, да на построение вышеобъявленных коменданских домов и протчего 6000 рублей, а достальные в учреждение того баталиону и полков и для их отправления» [АВПРИ, л. 84 об.-85].

Завершая обсуждение планов по укреплению обороноспособности Сибирского края, Собрание «напоследок» пришло к следующему заключению: «хотя по произшедшему с некотораго времени с китайцами несогласию и оказываемой ими донныне грубости и чрезмерной гордости и были деланы от них некоторыя покушения, клонящиеся к огорчению здешней стороны в той иногда надежде, что сибирския границы обнажены и без всякой почти защиты находятся, но чтоб они действительно отважились с Россиею войну ночать, того по многим для них неудобностям нечаятельно» [АВПРИ, л. 85]. Однако было признано, что предусмотренные на заседании действия для защиты границ от «всяких нечаянных случаев» были не только необходимы, но и должны осуществляться «без огласки», чтобы не привлечь внимание китайцев. Кроме того, желая «меры употребить к приласканию их до времени», Собрание сочло возможным удовлетворить неоднократное требование китайской стороны о назначении на место генерал-майора и селенгинского коменданта В.В. Якоби другого человека, остановив свой выбор на кандидатуре генерал-поручика И.И. Шпрингера. По решению Собрания, генерал-поручику следовало направить императорский указ с предписанием, «чтоб он письменно отозвался к китайским пограничным управителям о своем к пограничной команде определении, и что ему

¹ Генерал-квартирмейстер — одна из высших штабных должностей. В его обязанности входило обеспечение тыловой инфраструктуры, мобилизационной готовности войск и их боевой подготовки.

² Вяземский Александр Алексеевич (1727—1793) — генерал-прокурор Сената с февраля 1764 г., следил за расходованием казенных средств, пользовался полным доверием императрицы Екатерины II и в течение почти 29 лет удерживал высший прокурорский пост.

от ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА имени поручено имеющей между Российской империей и Китайским государством вечного мира трактат и пограничное спокойствие наблюдать» [АВПРИ, л. 85 об.]. Помимо этого, И.И. Шпрингер должен был уведомить китайскую сторону и о стремлении императорского двора к решению накопившихся проблем путем переговоров и немедленном направлении для этого российских комиссаров в случае обоюдного назначения таковых цинскими властями.

С точки зрения участников совещания, определение И.И. Шпрингера командиром на границу могло создать позитивное настроение у китайцев и способствовать решению некоторых пограничных проблем («может быть, и торг по-прежнему на Кяхте возстанут, да и спокойными на некоторое время останутся») [АВПРИ, л. 86 об.].

Вопрос о возобновлении кяхтинской торговли обсуждался Собранием прежде проблем, связанных с Сибирью. Китайцы приостановили торг на Кяхте, поскольку считали, что Россия более заинтересована в нем, чем они. К моменту обдумывания Собранием способов восстановления кяхтинской торговли, по доношениям селенгинского коменданта генерал-майора В.В. Якоби, китайцы «уже збавили своей спеси» и начали приезжать в Кяхту с товарами [АВПРИ, л. 78]. Тем не менее, участники совещания обсудили ряд мер по улучшению кяхтинского торгового дела для русской стороны. Они состояли в учреждении для российских купцов особой вольной компании, в которую мог бы вступить любой желающий и которая была бы призвана защищать интересы своих членов. Для объединения купечества, по заключению Собрания, требовалось немало времени и преодоление определенных трудностей, поэтому, помимо основания компании, представлялось еще необходимым уменьшить зависимость русских купцов от китайских; исключить несогласия и вражду в отношениях российских купцов; исключить поводы для жалоб со стороны китайских купцов на отягощение их торгового дела тарифом 1761 г.: «якобы к предосуждению их торговому делу сим тарифом товары как российские, так и китайские отягощены чрезвычайными пошлинами» [АВПРИ, л. 80].

Реализация этих планов, по мнению членов Собрания, была возможна при соблюдении следующих условий.

Позволить всякому российскому купцу участвовать в торге, приезжая не сразу в Кяхту, а останавливаясь в Селенгинске.

Из числа собравшихся в Селенгинске купцов выбирать 3—4 директоров или маклеров, которых «обязывать присягами о верном отпращивании поручаемого им общего интереса в продаже, покупке и мене товаров с китайцами так, как и о неутайке пошлин за отвозные и привозные товары» [АВПРИ, л. 79 об.]. Также им вменялось в обязанность получать от купцов точные сведения о привезенном товаре и предполагаемых на него ценах.

Запретить купцам в Кяхте вступать в прямые торговые отношения с китайцами с предупреждением о штрафовании их 50 процентами в пользу других участников торга и полном исключении из него. Право на «разменивание» товара по учрежденной цене имел только выбранный директор.

Ввозить в Кяхту только часть (например, половину) товаров, оставив остальные в Селенгинске до продажи первой части, с целью предупреждения конкуренции для бедных купцов со стороны богатых, привозивших обычно большое количество товаров [АВПРИ, л. 79 об.-80].

Вопрос о тарифе 1761 г., по мнению членов Собрания, предстояло решить Комиссии о коммерции¹. Тем не менее, свое отношение к этой задаче они выразили следующим образом: уменьшить тариф сибирский и «освободить, ежели не вовсе, то по малой мере некоторую часть от налога 13-ти процентов, называемого внутренней пошлиною, всякое российское продаваемое китайцам произражение. Тем наипаче, что для разных сортов мяхой рухляди нет лутче вывозу, как с той стороны» [АВПРИ, л. 80 об.].

Устранение вызывавшей недовольство китайцев проблемы, связанной с взиманием Кяхтинской таможенной пошлин с российских товаров, Собрание предложило осуществить перемещением таможни из Кяхты в Селенгинск для сокрытия от китайцев сведений о ко-

¹ Из трех Комиссий о коммерции (1-я — 1727—1729; 2-я — 1760—1762; 3-я — 1763—1796) последняя была учреждена по распоряжению императрицы Екатерины II и находилась в ее ведении.

личестве российских товаров и сохранения пошлинного сбора [АВ-ПРИ, л. 80 об.].

В завершении обсуждения вопросов коммерции члены Собрания указали на необходимость создания благоприятных условий для ее успешного развития: учреждения достаточного числа почт («для скорейшаго отправления») и заведения судов, «кои бы по Байкалу-озеру безопасно и надежно употребляемы быть могли для перевозу товаров и людей» [АВПРИ, л. 80 об.].

Таким образом, намеченные Собранием меры по укреплению Сибирского края касались как вопросов административного и социально-экономического характера, так и военно-организационного и оборонительного. Формулировки протокола в отношении китайской стороны имеют миролюбивый характер и выражают надежду на мирное разрешение проблем.

Представленный на апробацию императрицы план по упрочению российских сибирских пограничных территорий и налаживанию кяхтинской торговли был признан ею «на первой случай во всем достаточным» и конфирмован 19 октября 1764 г. [АВПРИ, л. 118 об.].

Библиографический список

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. «Сношения России с Китаем». Оп. 62/2. 1763—1768. Д. 10. Л. 35—36, 75—86 об., 117—122 об.

Голикова Н.Б., Кислягина Л.Г. Система государственного управления // Очерки русской культуры XVIII века. М.: МГУ, 1987. Ч. 2. 408 с. С. 44—108.

Международные отношения в Центральной Азии. XVII—XVIII вв. Документы и материалы. М.: Наука, 1989. Кн. 2. Док. № 166.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). СПб., 1830. Т. 16. № 11876.

Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689—1916. М.: Памятники исторической мысли, 2004. Док. № 2, 3, 5, 6, 8.

Русско-китайские отношения в XVIII в. 1752—1765. Документы и материалы (РКО в XVIII в.). М.: Памятники исторической мысли, 2011. Т. VI. Док. № 68, 118, 151.

Старцев А.В. Государственное регулирование охотничьего промысла в России в XVIII—начале XX в. С. 152 // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 400. С. 152—156).

References

Arhiv vneshney politiki Rossiyscoy imperii (AVPRI) [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRI)]. *Fond “Snosheniya Rossii s Kitaem” [Fund “Russian Relations with China”]*, Op. (Inventory) 62/2, 1763—1768, D. (File) 10, L. (p.) 35—36, 75—86 ob. (with reverse side), 117—122 ob. (with reverse side).

Golikova, N.B.; Kislyagina, L.G. (1987) Sistema gosudarstvennogo upravleniya [The system of public administration], *Ocherki russkoy kul'tury XVIII veka [Essays on Russian culture of the XVIIIth century]*, Moscow: MGU (Moscow State University), Iss. 2: 44—108. (In Russian).

Mezhdunarodnye otnosheniya v Tsentral'noy Azii. XVII—XVIII vv. Dokumenty i materialy, M.: Nauka, 1989, Kn. 2, Dok. no 166. [International relations in Central Asia. XVII — XVIII centuries. Documents and materials], Moscow: Nauka PH, 1989, Book. 2, Doc. no 166. (In Russian).

Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii (PSZ). SPb., 1830, T. 16., no 11876: 310 [Complete collection of laws of the Russian Empire (CCL)], St. Petersburg: vol. 16 (11876), 310 p. (In Russian).

Russko-kitayskiye dogovorno-pravovye akty. 1689—1916. M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2004, Dok. no 2, 3, 5, 6, 8 [Russian-Chinese contractual and legal acts. 1689—1916], Moscow: *Monuments of Historical Thought*, 2004, Doc. no 2, 3, 5, 6, 8. (In Russian).

Russko-kitayskiye otnosheniya v XVIII v. 1752—1765. Dokumenty i materialy (RKO v XVIII v.), M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2011, T. VI, Dok. no 68, 118, 151. [Russian-Chinese relations in the XVIIIth century. 1752—1765. Documents and materials (RCK in the XVIIIth century)]. Moscow: *Monuments of Historical Thought PH*, 2011, Vol. V, Doc. no 68: 118, 151. (In Russian).

Startsev, A.V. (2015). Gosudarstvennoye regulirovaniye okhotnich'yego promysla v Rossii v XVIII—nachale XX v. [State regulation of hunting in Russia in the XVIII-th — early XX-th centuries], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Tomsk State University]*, Tomsk, no. 400: 152—156. (In Russian).